

Научная статья
УДК 81`27; 81`42
doi: 10.17223/19986645/79/2

Культурно-языковой ландшафт современной сибирской деревни как результат взаимодействия культур (на примере д. Берёзовка Первомайского района Томской области)

Светлана Владимировна Волошина¹

¹ *Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия, vsv1304@yandex.ru*

Аннотация. Описаны культурно-языковой ландшафт д. Берёзовка Томской области – места компактного проживания эстонцев – на основе записей речи её жителей, вывесок и табличек, её текстовых репрезентаций в СМИ и социальных сетях. Выявлено, что в Берёзовке сосуществуют разные типы языковых личностей: билингвы и монолингвы. Среди двуязычных жителей – представители активного и пассивного эстонско-русского билингвизма. На формирование культурно-языкового ландшафта повлияли первые жители деревни – эстонцы, советская эпоха, взаимодействие представителей разных этносов и культур.

Ключевые слова: Берёзовка, Томская область, эстонский язык, сибирские эстонцы, билингвизм, культурно-языковой ландшафт, языковой ландшафт деревни

Источник финансирования: результаты были получены в рамках выполнения государственного задания Минобрнауки России, проект № 0721-2020-0042.

Для цитирования: Волошина С.В. Культурно-языковой ландшафт современной сибирской деревни как результат взаимодействия культур (на примере д. Берёзовка Первомайского района Томской области) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2022. № 79. С. 21–39. doi: 10.17223/19986645/79/2

Original article
doi: 10.17223/19986645/79/2

The cultural and linguistic landscape of a modern Siberian village as a result of cultural interaction (on the material of Beryozovka, a village in Pervomaysky District, Tomsk Oblast)

Svetlana V. Voloshina¹

¹ *Tomsk State University, Tomsk, Russian Federation, vsv1304@yandex.ru*

Abstract. The aim of the article is to describe the cultural and linguistic landscape of the Beryozovka village, which is located in Pervomaysky District of Tomsk Oblast, a place of a compact residence of Estonians that was founded in 1902. The research material is audio recordings of the speech of six residents of Beryozovka, interviews

with more than 10 villagers given to students of the Faculty of Journalism of Tomsk State University in 2007 for the media project Inner Estonia (<http://www.siberia-estonia.ru/>), photos of signboards, plates with the names of the streets and objects of the village, texts from the account Yanov Khutor in social networks. All the informants are descendants of immigrants from Estonia. Diverse research methods and procedures were used to analyze the cultural and language landscape of the village of Beryozovka. The description of the cultural and language landscape of the specified territory is carried out taking into account the following procedures: (1) identification of the connection of the language situation with the history, location, demographic characteristics of the village; (2) recording of villagers' oral speech during field expeditions and using interview methods: thematic, focused and unfocused interviews; (3) characteristics of the language personalities of the village, determination of their types by proficiency in one or more languages, living in the village from birth or moving from other villages, cities or countries; (4) description of fragments of speech portraits of the villagers using the method of speech portraiture; (5) identification and description of discursive practices of this social and communicative space – for example, analysis of the linguistic component of the Jaanipäev (St. John's Day) holiday or other national holidays, as well as different types of signs in the village. The author has found that different types of language personalities coexist in Beryozovka: bilinguals and monolinguals. Among the bilingual residents, there are representatives of active and passive Estonian-Russian bilingualism. The manifestation of Estonian-Russian bilingualism in the village is characteristic of the present time, but each next generation of native speakers lose their bilingualism. Russian is spoken by representatives of the older generation (octogenarians), and they use mainly Estonian, their children (sexagenarians) are bilinguals, but Russian has become active for them, the younger generation often speaks and understands Estonian less, most of them are already monolingual. The factors of the loss of the Estonian language are the lack of a language environment and school education, and communication in the family in Russian. The formation of the cultural and linguistic landscape was influenced by the first inhabitants of the village – Estonians, the Soviet era, the interaction of representatives of different ethnic groups.

Keywords: Beryozovka, Tomsk Oblast, Estonian, Siberian Estonians, bilingualism, cultural and linguistic landscape, linguistic landscape of village

Financial Support: The study was carried out under the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation, Project No. 0721-2020-0042.

For citation: Voloshina, S.V. (2022) The cultural and linguistic landscape of a modern Siberian village as a result of cultural interaction (on the material of Beryozovka, a village in Pervomaysky District, Tomsk Oblast). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 79. pp. 21–39. (In Russian). doi: 10.17223/19986645/79/2

Изучение языкового (лингвистического) ландшафта территории стало популярным в последние 20 лет. Это, как представляется, вызвано, с одной стороны, экстралингвистическими причинами: распад Советского Союза, глобализационные и миграционные процессы, вопросы национальной идентичности и рост национальной самосознания и т.д. повлияли на языковую ситуацию в регионах, изменение которой отмечают сегодня не только исследователи. С другой стороны, это определяется собственно

лингвистическими причинами и логикой внутреннего развития современного языкознания – утратой или трансформацией говоров, необходимостью изучения современной языковой ситуации в регионах и, соответственно, становлением научной отрасли, изучающей языки и диалекты отдельного региона и пока именуемой исследователями как лингвистическая регионалистика [1], региональная лингвистика [2], лингворегионоведение / лингворегионология [3], предмет изучения которой – специфические явления и вариации языка, обусловленные «этнической картиной региона, влиянием территориального диалекта, особенностями использования национального языка различными социальными группами в зависимости от целей и условий коммуникации» [3. С. 49].

Разных номинации этого нового направления объединяет то, что все они отражают его междисциплинарный характер, интеграцию лингвистики и регионоведения, краеведения, этнологии, культурологии и истории. Тенденция к интегративности наук повлияла и на осмысление феномена *языкового ландшафта*: это понятие часто рассматривается в тесной связи с культурой, историей регионов, что отражается в терминах «этноязыковой ландшафт» [4, 5], «культурно-языковой ландшафт» [6], в том числе в рамках междисциплинарных исследований [7]. Как отмечает Т.А. Демешкина, методологическую основу междисциплинарного подхода составляют признание и экспликация связи между разнородными объектами (физическими, социальными, языковыми), влияющими на формирование друг друга [8].

Обзор работ, посвященных изучению *языкового ландшафта* той или иной территории, показал, что этот термин имеет разные интерпретации, а понятие *культурно-языкового ландшафта* в исследованиях используется пока редко и, по мнению лингвистов, «требует дополнительного разъяснения» [9. С. 24].

В рамках социолингвистики терминологические сочетания «языковой ландшафт», «лингвистический ландшафт», «семиотический ландшафт» преимущественно используются при изучении языковых особенностей городского пространства (вывесок, объявлений, билбордов, дорожных знаков, табличек с названиями улиц и мн. др.) (см., например, [10–12]). А. Павленко определяет языковые (лингвистические) ландшафты (*linguistic landscapes*) как «совокупность всех знаков и текстов, которые составляют языковое лицо современных городов, включая официальные (например, таблички с названием улиц, дорожные знаки, информационные табло, мемориальные доски), коммерческие (вывески, афиши, билборды) и неофициальные надписи (объявления, граффити, плакаты)» [13. С. 496].

Однако наряду с языковым ландшафтом городов [14–19] изучаются также языковой (лингвистический) ландшафт стран [12, 20–25], отдельных регионов России [26–29].

Культурно-языковой ландшафт пока изучается на примере полиэтнических регионов [7, 8] и городов [9, 30].

Языковой и культурно-языковой ландшафт сельской местности в настоящее время не являются такими же популярными объектами исследований, но встречаются работы, посвященные изучению языковой ситуа-

ции в деревнях и сёлах [31–34] и составляющих языкового ландшафта сибирского старожильского села [35]. Безусловно, речь жителей сёл и деревень изучается диалектологами, представляющими результаты диалектологических экспедиций и фонетические, лексические, грамматические особенности тех или иных говоров, коммуникативные и когнитивные аспекты изучения диалектов и использующими при этом термин «диалектный ландшафт» [36–40]. Однако языковая ситуация меняется, говоры трансформируются, их черты нивелируются, при этом существуют такие сельские поселения, в которых изначально функционировало несколько языков, в том числе говоров, и без обследования современной языковой ситуации таких территорий исследование языкового ландшафта того или иного региона будет неполным.

В данной статье осуществляется попытка восполнить эти лакуны, представить первичные наблюдения о языковой ситуации в сибирской деревне как результат взаимодействия культур на примере д. Берёзовка Томской области. Диалектный ландшафт Томской области изучен хорошо, однако современная языковая ситуация в сёлах требует проведения исследований, включения в зону внимания не только старожильческих сёл – территории распространения говоров Среднего Приобья, но и сёл, появившихся в Томской области в XX в.

Цель статьи – описание культурно-языкового ландшафта д. Берёзовка Первомайского района Томской области.

Материалом исследования выступают аудиозаписи речи 6 жителей д. Берёзовка, интервью более 10 жителей, данные студентам факультета журналистики ТГУ в 2007 г. для медиапроекта «Внутренняя Эстония» (<http://www.siberia-estonia.ru/>), фотографии вывесок, табличек с названиями улиц и объектов деревни, тексты из аккаунта «Янов хутор» д. Берёзовка в социальных сетях. Все информанты – потомки переселенцев из Эстонии.

Термин *языковой ландшафт* в работе понимается более широко. Вслед за Н.А. Красовской мы полагаем, что языковой ландшафт региона может рассматриваться как системное явление, многоаспектный комплекс, который включает базу говоров, существующих на определенной территории, современную устную речь ее жителей, текстовые репрезентации региона, язык местных СМИ, визуальные проявления предыдущих исторических эпох, визуальные (графические) представления всех городских пространств региона, совокупность ономастических черт региона [41]. Ввиду того, что языковые единицы, ономастикон отражают также культурные особенности, национальную специфику, как и в исследованиях полиэтничного города [9], использование термина «культурно-языковой ландшафт» видится более релевантным и актуальным при изучении языковой ситуации в регионе, признанном трансграничным, понимаемом как исторически сложившаяся территория, которая в течение длительного времени существовала в по-, между- и надграничных состояниях и в настоящее время сохраняет их «следы» в инфраструктуре, средствах жизнеобеспечения, социально-правовых нормах, менталитете и языке населения; ключе-

вым признаком трансграничного пространства является его «многослойность» [7]. Применительно к Сибири это качество отражается в сложно составленной языковой, культурной палитре региона с отличиями в картинах мира населения, проживающего в прилегающих к основным транспортным магистралям и удаленных от них районах [7]. Языковая многослойность Сибири, и в частности д. Берёзовка, связана с сосуществованием на ее территории местного населения и переселенцев (ссылных и добровольных мигрантов), говорящих на разных языках и диалектах и являющихся представителями разных этносов и культур.

Для анализа культурно-языкового ландшафта д. Берёзовка предполагается сочетание разных исследовательских методов и процедур.

Так, описание культурно-языкового ландшафта указанной территории возможно:

1) через выявление связи языковой ситуации с историей, расположением, демографическими особенностями деревни;

2) запись устной речи жителей деревни: проведение полевых экспедиций и использование методов интервью: тематических, сфокусированных и несфокусированных интервью;

3) характеристику языковых личностей деревни, определение их типов по владению одним или несколькими языками, проживанию в деревне с рождения или переселению из других деревень, городов или стран;

4) описание фрагментов речевых портретов жителей деревни с использованием метода речевого портретирования, предполагающего «описание особенностей речи индивида с опорой на доступные для наблюдения факты, позволяющее составить общее представление о его идиолекте» [42];

5) выявление и дальнейшее описание дискурсивных практик данного социокоммуникативного пространства, например анализ языковой составляющей праздника Янов день или других национальных праздников, а также вывесок и табличек в деревне.

Рассмотрим каждый из указанных параметров описания.

1. Берёзовка – это деревня, возникшая в начале XX в. на территории Сибири – в 1902 г. Деревня была основана переселенцами из Эстонии и первоначально носила эстонское название Kaseküla (ныне Берёзовка).

По данным Исторической энциклопедии Сибири, к концу XIX в. резко возросла миграция эстонцев в Сибирь, чему способствовали строительство Транссибирской магистрали [43] и землеустроительные работы, насаждение хуторского хозяйства, усилившие земельный голод в Эстонии [44. С. 47]. К 1918 г. в Сибири уже проживало около 40 тыс. эстонцев, и в 1860–1917 гг. в Западной Сибири было основано 67 эстонских поселений [43], среди которых д. Казекюла (Берёзовка), куда в 1902 г. переехало из Эстонии 102 семьи [43. С. 47].

В 1913–1914 гг. жители построили в Берёзовке начальную школу, в 1927 г. была построена школа крестьянской молодёжи [45]. Обучение в обеих школах Берёзовки велось на родном эстонском языке, который отменили в 1937 г. [45. С. 399].

В 1932 г. берёзовцы создали колхоз с эстонским названием «Сяде», что в переводе на русский язык означает «Искра». Эстонское название колхоза существовало до 1937 г. В середине 1950-х гг. колхоз получил название им. Хрущёва, в 1965 г. ему было возвращено первоначальное название – «Искра» [45. С. 399]. В настоящее время деревня носит название Берёзовка.

Деревня входит в состав Куяновского сельского поселения Первомайского района Томской области, однако меняла административную принадлежность несколько раз: сначала входила в состав Асиновского района, затем – Зырянского и с 1961 г. – Пышкино-Троицкого (ныне Первомайский).

Берёзовка находится примерно в 200 км к северо-востоку от Томска. Удаленность от города способствует сохранности многих языковых и культурных особенностей проживающего в деревне населения. Эту мысль также подтверждают факты из истории. «В 1920-е гг. подавляющее большинство эстонцев Сибири проживало в сёлах. Это создавало условия для сохранения языковой и культурной изолированности их от других народностей Сибири» [43. С. 585]. В 1922 г. в Томской губернии 55 % эстонцев не владели русским языком [44. С. 47]. С усилением русификации во второй половине 1980-х гг. из сибирских эстонцев свободно владели эстонским языком 46,3 %, из них 37,5 % говорили, но не умели читать и писать по-эстонски [43. С. 585].

На территории деревни живут люди разных национальностей. Согласно паспорту Куяновского сельского поселения от 2018 г. в Берёзовке проживало 452 человека¹. По данным жителей деревни, ежегодно подготавливающих статистику по численности населения, на июль 2021 г. в деревне постоянно проживает 230 человек. Это территория компактного проживания эстонского населения, однако здесь также живут чуваша, украинцы, русские, латыши, немцы, даргинцы. Здесь вместе со стихийно созданным в результате миграционных процессов и экономических, политических, социальных трансформаций ландшафтом с 2016 г. существует сознательно сконструированный культурный и языковой ландшафт – Янов хутор, воспроизводящий исторический быт эстонцев.

2. Чтобы выяснить современную языковую ситуацию в деревне, наряду с изучением текстовых репрезентаций региона требуется сбор материала в полевых экспедициях. Автором исследования совместно с М.А. Толстой, доцентом кафедры русского языка Томского государственного университета, были осуществлены два экспедиционных выезда в д. Берёзовка – в июне и июле 2021 г., в результате чего была записана устная речь 6 двуязычных жителей деревни (представителей эстонско-русского билингвизма), общий хронометраж записей составляет около 9 часов звучащей речи. Интервью проводилось на русском языке. Возраст информантов от 60 до 87 лет. Все они на данный момент постоянно проживают в Берёзовке.

С информантами проводились как тематические, сфокусированные интервью, так и несфокусированные. Безусловно, для более полного пред-

---

¹ URL: <http://www.kuyanovskoe.ru/internet/resource>

ставления о культурно-языковом ландшафте Берёзовки необходимо продолжение записей устной речи жителей деревни, представителей разных национальностей.

3. Первичные наблюдения в деревне, встречи с информантами показали, что в Берёзовке проживают как монолингвы, так и билингвы.

На основании сделанных 6 аудиозаписей речи можно выделить следующие типы языковых личностей информантов-билингвов:

а) представители пассивного билингвизма. Пассивный билингвизм – «ситуация, при которой индивид способен понимать второй язык в письменной и / или устной форме, но не может говорить и писать на этом языке» [46. С. 42].

К такому типу относится один информант, рожденный в семье, в которой мать – русская, отец – эстонец. Информант немного понимает эстонскую речь и поёт песни на эстонском языке, но не говорит и не пишет по-эстонски: *Я могу понять, о чём речь. <...> Бабушка разговаривала с отцом, мама русская у нас, бабушка умерла потом, речь эстонская не звучала, но я всё время с бабушкой была. <...> Она разговаривала с отцом, и нам она говорила тоже [по-эстонски] и жила она с нами в нашем доме;*

б) представители активного билингвизма. Активный билингвизм – «ситуация двуязычия, при которой коммуникант активно использует навыки порождения речи на двух языках в письменной и устной формах» [46. С. 38].

К такому типу билингвизма относятся 5 информантов, которые свободно говорят по-эстонски, понимают эстонскую речь. Они относят себя к «чистым» эстонцам (*Ихня семья род'илися тоже в Сибири, эстонцы чистые*), у которых оба родителя были эстонцами. Все они освоили русский язык в школе. Среди них есть как те, кто постоянно говорит на эстонском языке и русский язык использует редко, так и те, кто чаще использует русский язык.

Два информанта, возраст которых 86 (окончила 3 класса школы) и 87 лет (окончила 7 классов в школе и год обучалась на счетовода), чаще говорят по-эстонски, они отмечают, что их дети реже используют эстонский язык, а внуки его уже не знают и мало, кто понимает: *Я щас всё говорю по-эстонски. Всё по-эстонски, она [дочь] по-русски отвечает. Ну она тоже умеет, но она уже, она всё по-русски. Как-то она грубее, но все понимает, я всё по-эстонски, я ничё. Где надо, я по-русски говорю; Богенс мой [о муже и сыне информанта 86 лет], он как-то стесняется из-за этого акцента, что он немножко, как говорила сегодня, не мягко [говорит], но когда мы поём и когда он слушает, он говорит: «Мягче надо петь». Он разговаривает с матерью на эстонском, у него мать жива; А сын женился, сама она эстонка и он эстонец, вырастили детей русских, по-эстонски не умеют. Тут живут, но они не умеют. Карлины дети (внуки). Эндла кормила по-русски [смеется]. И между собой они по-эстонски язык не знают. Я говорю: «Вы русские дети, не мои внучата». Ну, смеюсь иногда.*

Оба информанта выучили русский язык в школе: *В школу я пошла, ни одного русского языка не знала. Ни одного! А учительница была эстонка*

<...>. Да, и словарик был такой желтый, книжка большой, таких букв не было, теперь буквы, всё. Да не было, но всё помаленьку. Курица – кана, кана – курица, kikk – петух, koju – домой, kodu – дом, вот так научились. <...> 4 класса у нас в деревне было, а перешла в пятый класс в Березовку, а детдом тут был, они же по-русски, всё по-русски разговаривают, а я, я два года сидела в пятом классе. Ещё путем не разговаривала, где что не выговаривала...; [Когда вы начали изучать русский язык?] Ну когда латыши сюда приехали, сколько мне было, мне 11 лет было, наверное, или потом мы в школу ходили маленько, Кира Мартыновна ещё учительница была. Три класса я ходила. Писать тоже маленько умею, фамилию свою умею, столько я научила. Три класса я только кончила. <...> вот латыши разговаривали по-русски, ну и тогда мы тоже кое-что, научили.

Сферы использования эстонского языка шире, чем у более молодых информантов, они используют его в быту: при общении с детьми, соседями, при написании писем и т.д.: *Всё по-эстонски говорю, где надо – по-русски. С сыном, дочерью по-эстонски говорю, с соседкой по-эстонски. Почему я свой родной язык забуду? Я его помню. Сегодня письмо опустила в Латвию, по-эстонски всё пишу. <...> Кур держим. [Вы разговариваете с ними?] Ну так, конечно. Иногда и зло, иногда и хорошо. Всяко бывает. [По-эстонски с курами разговариваете?] Конечно, я по-русски не, только там, где надо.*

Более молодые информанты (возраст 60–65 лет) также начали изучать русский язык в школе и в настоящее время используют эстонский язык только при общении с матерью, русский же язык закрепился в качестве активного: *Ну, говорю [по-эстонски], но большую часть уже это. Сначала думаю, понимаете, поэтому и получается, мы говорим то одно слово, то второе, пока переведёшь.... Ну я до 4 класса вообще не знал русского языка. А потом у нас же школа была своя, учитель был эстонец, так и обучал по-русски всё, а между собой все разговаривали по-эстонски. Потом я с четвёртого в Орехово в интернат. Четыре класса было у нас в деревне, а дальше уже. А там одни русские, и украинцы были, и белорусы там, и эстонцы. Домой придёшь, мама с тобой по-эстонски, а ты уже чешешь по-русски, потому что там надо знать, правильно разговаривать. Ты же изучаешь русский язык.*

В Берёзовке, по мнению информантов, в настоящее время больше говорят на русском языке, около 30 % жителей говорят на эстонском.

4. Как уже отмечалось, интервью с билингвами проводилось на русском языке, поэтому имеющиеся аудиозаписи позволяют составить только фрагменты их речевых портретов. Наибольший интерес, на наш взгляд, представляют информанты, возраст которых 86 и 87 лет, так как в их речи встречаются особенности, обусловленные влиянием эстонского языка и сибирских говоров. Представим некоторые наиболее яркие речевые особенности, присущие информантам.

На **фонетическом уровне**, прежде всего, проявляются наличие акцента и такие характерные черты, как:

– фрикативное произношение «г» – [ɣ] наряду с использованием «г» взрывного: *Но [ɣ]де-то в Тарту жили, возле Тарту [ɣ]де-то; Они бо[ɣ]аты были, зато эти сюда в колхоз заставили, все забрали у нас; В 37-м году, когда их хотели выслать туда...* Проявление в речи фрикативного [ɣ], возможно, связано, с влиянием эстонского языка, в котором «g» произносится всегда глухо [47. С. 8];

– мягкий [л'] преимущественно в глаголах в форме ед. ч. прошедшего времени, что обусловлено влиянием эстонского языка [47. С. 8]: *У нас бы[л']а корова, хозяйство бы[л']а, я не мог[л']а бросить, бросить и поеха[л']; жарко бы[л']о, упа[л']а; Пойдем в ко[л']хоз, а это, это сосед сказа[л']...*;

– твердый [р] на конце слова, которому в русском литературном произношении соответствует [р']: *Отца моего в колхоз как приехали в Сиби[р]. Они перешли сразу туда в Малиновку, хутор; Раньше копны делали, тепе[р] рулоны; А были же бураны, как и сейчас также. Только что тепе[р] чистят дорогу;*

– непоследовательная замена [щ] на [ш]: *Когда я там е[ш]о родился, тогда они строили;*

– непоследовательное проявление мягкого цоканья: *Сахару не было тогда, ни[ц']его не было; Три пе[ц']ки, сейчас у нас тоже пе[ц']ка есть.*

На **словообразовательном уровне** отметим наличие форм, обусловленных, возможно, влиянием сибирских говоров: *Садитесь, куда **хочете**.* В исследованиях русских говоров Среднего Приобья отмечается, что «разноспрягаемый в русском литературном языке глагол ХОТЕТЬ примыкает в говорах к 1-му спряжению, приобретая соотношение основ данного типа: *хочу, хочешь, хочет, хотим, хотите, хотят*» [48. С. 173].

На **морфологическом уровне** проявляются:

– непоследовательная грамматическая родовая категоризация существительных, местоимений, прилагательных и глаголов: *Брат ездила сколько раз, она сказала, что такая место хорошая. И зачем они в эту Сибирь приехали?; Пришёл наша дедушка, любила сильно работать, и моя мать, отец любила сильно работать;*

– непоследовательный выбор предложно-падежных форм и форм числа: *У нашего дедушки было много земля; А дед, когда выскочил с окно, у него еще пистолетом стрелял, а мимо ухо пошло, хорошо в ухо не попало, а то мы остались бы сиротой; А у нас вода не было, мы таскали там; Отец играл гармошку, скрипку, гитару, мандолину;*

– глагольные формы с постфиксом **-ся**: *А я **родилася** как? На хуторе; А все девки за кого-то замуж вышли, **пожен'ились**, увезли наших девок; А куда они **делися**?! А у меня в трудовой книжке ни одного дня, а раньше я тоже работала, я **училася**;*

– особенности формообразования: отличное от литературной нормы образование личных форм глаголов: *У меня внучка **спрашует**: разве было такое?; Щас я с Латвией **разговарюю**, переписываюсь;*

– вопросительно-относительное местоимение **чѐ** и отрицательное **ничѐ**, характерные для русских говоров Среднего Приобья [48. С. 171]: *Я всё по-*

эстонски, я **ничё**. Где надо, я по-русски говорю; **Чё**, вот так было; Снегу нету, все мерзлое, скользко, **чё-то** не понравилось так. **Чё** толку, в марте, у нас в марте если бы, у нас сухой климат, а там сырой климат.

На лексическом уровне отметим использование:

– просторечных, разговорных слов: *дедушка приехал один, избушку поставил, а потом поехал за семьёй, **ихня** семья родилась, родились тоже в Сибири; ...**маленько** там была ферма. Надо каждый день ходить туда, кормить лисы, а лисы чёрные были;*

– использование диалектных лексических единиц: ***содим** свой **огородчик**, картошку **содим**; всё переделали, с малых лет **литовкой** косили;*

– эстонских слов: *Весна придет, а тут эти **kuresaapad**, это как их... Если точно перевести, – «журавлиные сапоги»; Да, не в Берёзовке, в Лиллиенгофке, у нас отдельный колхоз жили – «В. Клементы» – это соединенные все колхозы: С'ядэ, Берёзовка. «**Süde**» – это «искра» в переводе на русский; – Tere, tere, скажи!; – Tere, tere! [Что это значит?] Здравствуйте, девочки!; Раньше у нас эстонские танцы, очень красивые танцы были – этот **караян**, коробочка; Она же не забыла свой деревенский язык. Отличается. У нас улица, у них **tänav**. Мы привыкли, уже эстонский и русский перемешали.*

Поскольку оба информанта всегда жили в деревне и в основном работали в колхозе, в речи встречаются слова тематической группы «хозяйство»: *копна, солома, лобогрейка, лисоферма, жать, хозяйство, скот, покос, копнить, молотить и мн. др.: Рожь жала, вязала снопы лобогрейкой, локomobilь молотил, я отгребала зёрна, солому; Я работала в лисоферме. В лисоферме была...*

На синтаксическом уровне отметим отсутствие ярких речевых особенностей. В речи информантов встречаются разнообразные простые и сложные конструкции: *Обеспечила коня себе и телегу; Освальд кончил войну и там остался жить; Когда на пенсию пошла, пошла искать документы, говорят: «Нету, В. Клементий документов!»; Нас было много, иногда 30 человек где-то, один впереди топчет дорогу, второй, конная дорога была; Ну и стали, это, колодцы копать. Вот этот колодец, который у нас здесь; Я много работала, а почему старость никак не берет?*

Выделяется также ряд черт, которые, могут быть объяснены устным, спонтанным характером речи:

– контекстуально-неполные высказывания: ***Я тогда, как раз в пятьдесят восьмом году соединили.** Ну что, вышла в пятьдесят шестом году замуж, родила троих детей; **Но три дня, тогда были высланы,** были какие-то вредные мужики, которые сказали, что это в Сибири, они какие-то предатели...;*

– номинативные высказывания: *Вот, на хуторе родилась, а **тридцать седьмой год, коллективизация эта,** ну чё нас заставили отца и мать переехать в деревню; Бабушка приехали с Эстонии. И там **Нарва город, половина русского, половина эстонского;** А у нас ещё машину купили, и тогда я вышла. Ой, у меня **эта вышивка** – ой-ой, ой! Шифоньеры все полные!;*

– высказывания с повторами актуальных компонентов: *В том конце пруд был, в нашем конце пруд был, мы тоже около пруда жили; Везде можно жить, мы всю жизнь тут. Лучшие моей жизни щас нету, как я росла, как я м'аленька была, лучшие жизни нет щас.*

5. С 2016 г. в Берёзовке существует этнокультурный комплекс – Янов хутор, на территории которого расположены мельница, эстонская рига (музей), летняя веранда «Мартьянов двор» и т.д. Янов хутор демонстрирует символическое кодирование пространства, воссоздание образа Эстонии: *Когда я съездила в Эстонию, меня музеи под открытым небом впечатлили. Туда всё свезли, всё оригинальное. У нас реконструкция. <...> В Эстонии любой камень – легенда. От них заражаешься. Мы подумали, что бы нам такое же сделать; Да и сам музей – настоящий экспонат. Это точная копия традиционного жилья эстонских крестьян – риги, строения, объединяющего под одной крышей жилое и хозяйственное помещения; Благодаря Янову хутору мы культуру эстонскую возрождаем. Когда приехал в 2015 году посол, он был впечатлен, так скажем. Мы пели же на эстонском.*

В социальных сетях также актуализируется этнический компонент как неотъемлемая часть деревни и района: *Янов хутор – этнокультурный комплекс в Первомайском районе, где воссоздан исторический быт эстонцев – приглашает познакомиться с эстонским Дедом Морозом Йьудуваны, его супругой Матушкой Зимой и сказочными гномами-помощниками.*

Жители села наряду с проведением экскурсий в Яновом хуторе отмечают традиционные эстонские праздники: Küünlaräev (День свечей), Vastlaräev (Вастляпяев, Масленица), Янов день, Михкли (День урожая) и др.: *А тем не менее удивительное рядом – Янов хутор и его «новый» традиционный эстонский праздник День свечей (Küünlaräev).* Национальные праздники, блюда, как и эстонский язык, для березовских эстонцев – один из маркеров их этнической самоидентичности: *У нас резиденция Деда Мороза, мы оформляем вот этот домик, Деда Мороза одеваем, наши все мужчины трое, из них двое уже Дедом Морозом побывали, нам важно, чтобы он разговаривал на эстонском.*

Одним из наиболее ярких эстонских праздников, отмечаемых в деревне, выступает Янов день, который проходит 23 июня. История проведения праздника в Берёзовке и динамика традиции празднования, сценарий на протяжении более чем столетия уже рассмотрены исследователями [44]. Можно отметить вариативность праздничной культуры в селе, отражающей региональную специфику. Янов день в Берёзовке празднуют ежегодно, как и в Эстонии, однако организаторы позиционируют сам праздник как Янов день сибирских эстонцев со своим сценарием, сибирским вариантом его проведения. При сохранении многих компонентов модели праздника, которые характерны для его проведения на исторической родине (дата, зажигание костра, плетение венков, танцы и песни, национальные костюмы и т.д.), существуют определенные отличия: *Мы сохраняем культуру сибирских эстонцев. Это уже сложилось больше века. Своя уже культу-*

ра. <...> В принципе как такового сценария эстонского не было ни одного. Вообще на чем мы: кто-то нам газету прислал из Эстонии, как там у них празднуется. <...> Вот собрали мы, ну как, он же сродни Ивану Купале. Ну а потом уже появилась легенда о Сальме и Яне в интернете. Мы ее стали использовать, ну что-то по кусочкам, по крупинкам. Я не скажу, что это Янов день именно эстонский. Это Янов день сибирских эстонцев. У нас ответы есть на это. А сибирские эстонцы – это мы, мы всё равно с русскими тесно живём. Таким образом, видна причастность к общей культуре эстонцев, их восприятие себя как эстонцев и эстонцев из Эстонии как «своих», в то же время отмечается наличие «своего», сибирского варианта праздника и «чужого», эстонского: Там [в Эстонии] более академично проходит, там концерты, группы, костер зажгли, всё. Вот фольклор больше у нас. Вот так они. Лена приехала сейчас, соседка моя, уехала в Эстонию с дочерью. И вот они приехали на днях, в гости приходили. Она говорит: «Я не хожу на Янов день там. Мне неинтересно».

Сценарий праздника трансформируется ежегодно, остаются также постоянные элементы, которые получают свое название и интерпретацию: Есть у нас такой обряд – обетная каша, я уже даже не помню, где я его нарыла. И пишем мы его – обетная, не обедная. Была традиция кормить – ну как бы праздник этот то ли бедных угощать, может быть, от слова «бедных», а мы решили, что гостей будем угощать. То есть не обижаем, что они бедные. Мы сначала чаем поили, вот там 12 трав, вот как-то даже бутерброды были у нас. Ну, мы начали с каши, и вернулись мы опять к каше; Мы же теперь пиво варим. Мы начинали, когда Янов день в 90-е годы, мы тоже пиво варили тогда, больше флягами. Не всё так было красиво как сейчас, но делали его как надо.

В дни проведения праздников (Янов день и др.) и в будни используются русский и эстонский языки: исполняются песни на эстонском, готовятся эстонские блюда и используются их эстонские названия: Ещё печенье – *piparkook* (пипаркоок). Оно с корицей и перцем. Ну, вот мы теперь на масленицу, она отмечается один раз, у русских неделю, а у эстонцев она один раз, во вторник во второй день новолуния, и вот на этот день у эстонцев пекутся булочки. Мы тоже теперь уже, второй год печем булочки вот эти, *vastlakuklid* (вастлакуклид). Они такие булочки пекутся, выбирается, шапочка срезается, серединка выбирается, туда варенье кисленькое, либо смородиновое, либо брусничное, сверху сбитые сливки, шапочкой накрывается, и вот они один раз в год пекутся эти булки. Вместе с тем эстонцы отмечают, что местный эстонский язык и современный эстонский на исторической родине отличаются: Вот, например, мы называем ведро «*ämber*», а там – «*rang*», электрическая лампа у них – «*riip*», а мы говорим «*lamp*». Лодка «*raat*», а у нас тут тоже «лодка». У нас половина на русский лад [49].

На территории деревни также можно встретить вывески и таблички на русском и эстонском языках: например, дважды встречается надпись на эстонском языке *Tere tulemast!* (Добро пожаловать!) – на табличке при въезде в Янов хутор и на вывеске у Дома культуры.

Отчетливо прослеживается и влияние советской эпохи: названия улиц в деревне отражают их расположение: *Центральная, Луговая, Школьная, Лесная, Первомайская*. Интерес представляют и народные названия улиц: *У нас переселение чувашей было. У нас целая улица есть, мы ее называем Чебоксары*.

Таким образом, отметим, что деревня Берёзовка Томской области – один из примеров соединения культур, языков, этносов. В деревне проживают монолингвы и билингвы. Проявление эстонско-русского двуязычия еще характерно для настоящего времени, однако с каждым следующим поколением носителей языка происходит утрата билингвизма. Представители более старшего поколения (80-летние) владеют как русским, так и эстонским языками и используют преимущественно эстонский язык, их дети (60-летние) – билингвы, однако активным для них стал русский язык, более молодое поколение реже говорит на эстонском языке и понимает его, большинство из них уже являются монолингвальными языковыми личностями. Факторами утраты эстонского языка выступает отсутствие языковой среды, обучение в школе и общение в семье на русском языке. На формирование культурно-языкового ландшафта оказали влияние первые жители деревни, ее основатели – эстонцы, советская эпоха, что нашло отражение в названиях улиц деревни, государственная политика (политика переселения), взаимодействие представителей разных этносов. В статье представлен анализ первичных наблюдений, для более полного описания культурно-языкового ландшафта деревни необходимы новые экспедиционные выезды с целью выявления и описания разных типов языковых личностей, в том числе монолингвальных.

Список источников

1. Бахвалова Т.В. Лингвистическая регионалистика: из опыта преподавания // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 2 (65). С. 116–121.
2. Брыкина Е.В. Региональная лингвистика: содержание и направления развития // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2020. № 2 (145). С. 150–155.
3. Новикова Т.Ф. Лингворегионоведение как направление «внешней» лингвистики и интеграционная модель исследования языка и культуры // Yearbook of Eastern European Studies. 2015. № 5. С. 44–59.
4. Аманбекова М.Б. Феномен билингвальной личности в этноязыковом ландшафте Казахстана. Астана, 2009. 121 с.
5. Авакова Р.А., Салкынбай А.Б. Миграция населения и этноязыковой ландшафт Казахстана // Вестник Бишкекского гуманитарного университета. 2012. № 1 (21). С. 246–248.
6. Садуов Р.Т. Культурно-языковой ландшафт в национальном регионе как отражение картины мира лингвокультурного сообщества // Языки и культуры: функционально-коммуникативный и лингвопрагматический аспекты : сб. статей по материалам II Международной научно-практической конференции, посвященной памяти С.Г. Стерлигова. Н. Новгород, 2021. С. 220–222.
7. Демешкина Т.А., Дутчак Е.Е. Социокоммуникативное пространство трансграничья: модель реконструкции культурно-языкового ландшафта Сибири // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2020. № 67. С. 28–44.

8. Демешкина Т.А. Культурно-языковой ландшафт трансграничного региона: возможности описания // Динамика языковых и культурных процессов в современной России : материалы VII Конгресса РОПРЯЛ, Екатеринбург, 6–9 октября 2021 г. Вып. 7. СПб., 2022. С. 122–126.
9. Садуов Р.Т. Полевое исследование культурно-языкового ландшафта в национальной республике: описание и обоснование проекта // Экология языка и коммуникативная практика. 2020. № 1. С. 23–29.
10. Федорова Л.Л. Языковой ландшафт: город и толпа // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: История, филология. 2014. Т. 13. № 6. С. 70–80.
11. Jaworski A., Thurlow C. (eds.) Semiotic Landscapes: Language, Image, Space. London ; New York : Continuum, 2010. 321 p.
12. Мур И.Ю. Лингвистический ландшафт как средство анализа языковой ситуации и языковой политики в постсоветском пространстве // Русский язык и литература в пространстве мировой культуры : материалы XIII Конгресса МАПРЯЛ : в 15 т. СПб., 2015. С. 109–114.
13. Павленко А. Языковые ландшафты и другие социолингвистические методы исследования русского языка за рубежом // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Лингвистика. 2017. Т. 21. № 3. С. 493–514.
14. Баранова В.В., Федорова К.С. (Не)видимость и (вне)находимость: трудовые мигранты и языковой ландшафт Санкт-Петербурга // Городские исследования и практики. 2017. Т. 2. № 1 (6). С. 103–121.
15. Бубнова И.А. Языковой ландшафт мегаполиса и проблемы современного российского общества: явные и скрытые связи // Язык, сознание, коммуникация : сб. науч. статей по материалам конференций «Полифония большого города – 7, 8». М., 2018. С. 5–13.
16. Картушина Е.А. Многоязычие в языковом ландшафте городской среды (на примере города Хельсинки) // Вестник Вятского государственного университета. 2017. № 8. С. 71–75.
17. Иванова Н.И. Дистрибуция языков в лингвистическом ландшафте г. Якутска: социолингвистический аспект // Северо-Восточный гуманитарный вестник. 2017. № 4 (21). С. 71–76.
18. Винокуров В.В. Специфика языкового ландшафта Вильнюса в контексте норм языковой политики Литвы (на примере старого города) // Вестник развития науки и образования. 2018. № 2. С. 52–58.
19. Федорова Л.Л. Русский язык в Армении: языковая ситуация и языковой ландшафт современного Еревана // Slavica Helsingiensia. 2019. Т. 52. С. 87–99.
20. Калегина Т.Е., Тахтарова С.С. Влияние французского языка на формирование лингвистического ландшафта стран Магриба // TERRA LINGUAЕ : сб. науч. статей. Казань, 2015. С. 198–201.
21. Протасова Е.Ю. Вариативность лингвистического ландшафта России // Экология языка и коммуникативная практика. 2015. № 1 (4). С. 91–102.
22. Абрамова Е.И. Газальский язык в лингвистическом ландшафте Шотландии // Общественные науки. 2011. № 7. С. 97–101.
23. Новикова Е.Г. Лингвистический ландшафт современной Канады в контексте регионально-культурной политики // Евразийский вестник гуманитарных исследований. 2016. № 1 (4). С. 29–33.
24. Бородина Д.С. Английский язык в лингвистическом ландшафте Швеции // Филологос. 2018. № 36 (1). С. 5–11.
25. Лю Ц. Лингвистический ландшафт: направления исследований и тенденции в КНР // Вестник Московского университета. Серия 22: Теория перевода. 2019. № 4. С. 119–129.
26. Пути формирования лингвистического ландшафта Сибири / Ю.Д. Абаева, Б.Ж. Будаев, И.Д. Бураев [и др.] ; отв. ред. Н.Н. Широкова. Новосибирск, 2005. 198 с.

27. Бекасова Е.Н. Лингвистический ландшафт Оренбуржья: перспективы прошлого // Шестые Моисеевские чтения : материалы Междунар. науч. конф. студентов и преподавателей, посвящённой 95-летию со дня рождения Б.А. Моисеева. Оренбург, 2021. С. 17–25.

28. Садуов Р.Т. Языковой ландшафт как перспективное направление исследований языковой ситуации в регионе (на примере Республики Башкортостан) // Успехи гуманитарных наук. 2021. № 2. С. 192–195.

29. Габдрахманова Г.Ф., Махматов З.А., Сагдиева Э.А. Государственные языки Республики Татарстан в языковом ландшафте региона // Теоретические проблемы этнической и кросскультурной психологии : материалы пятой междунар. науч. конф. : в 2 т. Смоленск, 2016. С. 76–79.

30. Садуов Р.Т. Коммуникативный потенциал русского языка в г. Нур-Султан сквозь призму культурно-языкового ландшафта // Культурология, искусствоведение и филология: современные взгляды и научные исследования : сб. статей по материалам LV Международной научно-практической конференции. М., 2021. С. 28–31.

31. Исламова Ю.В. Языковая ситуация села Нялинское Ханты-Мансийского района ХМАО-Югры в историческом аспекте // Вестник угроведения. 2015. № 4 (23). С. 46–52.

32. Будаева С.З. Территориальные аспекты языковой ситуации (на примере села Чаган-Морин Закаменского района Республики Бурятия) // Региональная Россия: история и современность : материалы IV Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. Комсомольск-на-Амуре, 2021. С. 39–43.

33. Араева Л.А., Керексибесова У.В. Особенности разноязычного общения в селе Кош-Агач Республики Алтай // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Вопросы образования: языки и специальность. 2018. Т. 15. № 2. С. 269–276.

34. Процукович Е.А., Морозова О.Н., Андросова С.В., Булатова Н.Я., Черноградская О.Н. Социолингвистическая ситуация в с. Ивановское Селемджинского района Амурской области // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2017. Т. 3. № 3. С. 74–85.

35. Иванцова Е.В. Правила речевого поведения диалектной языковой личности как составляющая языкового ландшафта сибирского старожильского села // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 74. С. 61–80.

36. Плотникова А.А. Карпато-балканский диалектный ландшафт: Язык и культура во взаимодействии // Вопросы языкознания. 2007. № 5. С. 152–154.

37. Блохинская А.В. История славянского заселения Амурской области в связи с формированием ее диалектного ландшафта // Слово: Фольклорно-диалектологический альманах. 2011. № 9. С. 25–34.

38. Борисова О.Г., Костина Л.Ю. Диалектный ландшафт Отрадненского района Краснодарского края (по материалам полевой экспедиции) // Лексический атлас русских народных говоров: Материалы и исследования-2015. СПб., 2015. С. 41–72.

39. Кошарная С.А. К вопросу о диалектном ландшафте Белогорья // Современные достижения и новые направления филологии : сб. науч. трудов по итогам Международной научной конференции. Белгород, 2018. С. 97–103.

40. Москвина Т.Н., Павленко А.Н. Диалектный ландшафт немецких говоров Алтайского края и возможности его лексикографического описания // Филологические науки: Вопросы теории и практики. 2020. Т. 13. № 4. С. 68–72.

41. Красовская Н.А. Языковой ландшафт: возможные подходы к использованию термина // II Милоновские краеведческие чтения : сб. науч. статей. Тула, 2020. С. 36–39.

42. Иванцова Е.В. Методы анализа диалектной языковой личности // Демешкина Т.А., Тубалова И.В., Волошина С.В., Иванцова Е.В. Новые направления в русской диалектологии: Массовый открытый онлайн-курс. Томск : ТГУ, 2017. URL: <https://moos.tsu.ru/ru/?courses=новые-направления-в-русскойдиалектологии> (дата обращения: 16.07.2021).

43. Лоткин И.В. Эстонцы в Сибири // Историческая энциклопедия Сибири : в 3 т. Т. 3: С–Я. Новосибирск, 2009. С. 584–586.

44. Рындина О.М. Этническая традиция в современной культуре: Янов день березовских эстонцев // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. 2016. № 1 (21). С. 45–53.

45. Земля первомайская : сб. научно-популярных очерков / под ред. Я.А. Яковлева. Томск : Изд-во Том. ун-та, 2001. 548 с.

46. Жукова И.Н., Лебедев М.Г., Прошина З.Г., Юзефович Н.Г. Словарь терминов межкультурной коммуникации. М. : Флинта : Наука, 2017. 632 с.

47. Пяль Э. Учебник эстонского языка. Таллин : Эстонское гос. изд-во, 1955. 311 с.

48. Русские говоры Среднего Приобья / ред. В.В. Палагина. Томск : Изд-во Том. ун-та, 1984. Ч. 1. 201 с.

49. Мороко Е., Назарова А., Леньшина А. [и др.]. Между Берёзовкой и Касакюлой // Русский репортер. 2017. № 10–11 (427). URL: https://expert.ru/russian_reporter/2017/10/mezhdu-berezovkoj-i-kasakyuloj/ (дата обращения: 10.09.2022).

References

1. Bakhvalova, T.V. (2015) Linguistic regional studies: from teaching experience. *Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i sotsial'nye nauki*. 2 (65). pp. 116–121. (In Russian).

2. Brysina, E.V. (2020) Regional linguistics: content and directions of development. *Izvestiya Volgogradskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta*. 2 (145). pp. 150–155. (In Russian).

3. Novikova, T.F. (2015) Linguoregional studies as a trend of “external” linguistic and integration model of language and culture studies. *Yearbook of Eastern European Studies*. 5. pp. 44–59. (In Russian).

4. Amalbekova, M.B. (2009) *Fenomen bilingval'noy lichnosti v etnoyazykovom landshafte Kazakhstana* [The Phenomenon of Bilingual Personality in the Ethno-Linguistic Landscape of Kazakhstan]. Astana: [s.n.].

5. Avakova, R.A. & Salkynbay, A.B. (2012) Migratsiya naseleniya i etnoyazykovoy landshaft Kazakhstana [Population migration and ethno-linguistic landscape of Kazakhstan]. *Vestnik Bishkekского гуманитарного университета*. 1 (21). pp. 246–248.

6. Saduov, R.T. (2021) [Cultural and linguistic landscape in the national region as a reflection of the worldview of the linguistic and cultural community]. *Yazyki i kul'tury: funktsional'no-kommunikativnyy i lingvopragmaticheskiy aspekty* [Languages and Cultures: Functional-communicative and linguopragmatic aspects]. Proceedings of the 2nd International Conference in memory of S.G. Sterligov. Nizhny Novgorod. 12–13 May 2021. Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod. pp. 220–222. (In Russian).

7. Demeshkina, T.A. & Dutchak, E.E. (2020) The socio-communicative space of transboundary areas: a reconstruction model of the cultural and linguistic landscape of Siberia. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 67. pp. 28–44. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/67/2

8. Demeshkina, T.A. (2022) [Cultural and linguistic landscape of a cross-border region: possibilities of description]. *Dinamika yazykovykh i kul'turnykh protsessov v sovremennoy Rossii* [The Dynamics of Linguistic and Cultural Processes in Modern Russia]. Proceedings of the 7th ROPRYAL Congress. Yekaterinburg. 6–9 October 2021. Vol. 7. Saint Petersburg: ROPRYAL. pp. 122–126. (In Russian).

9. Saduov, R.T. (2020) Field research of the cultural and linguistic landscape in a multiethnic region. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 1. pp. 23–29. (In Russian). DOI 10.17516/2311-3499-098

10. Fedorova, L.L. (2014) Linguistic landscape: city and crowd. *Vestnik Novosibirskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Istoriya, filologiya – Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 6 (13). pp. 70–80. (In Russian).

11. Jaworski, A. & Thurlow, C. (eds.) (2010) *Semiotic Landscapes: Language, Image, Space*. London; New York: Continuum.

12. Moore, I.Yu. (2015) [Linguistic landscape as a means of analyzing the linguistic situation and language policy in the post-Soviet space]. *Russkiy yazyk i literatura v prostranstve mirovoy kul'tury* [Russian Language and Literature in the Space of World Culture]. Proceedings of the 13th MAPRYAL Congress. Granada, Spain 13–20 September 2015. Saint Petersburg: MAPRYAL. pp. 109–114. (In Russian).

13. Pavlenko, A. (2017) Linguistic landscape and other sociolinguistic methods in the study of Russian language abroad. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Lingvistika – Russian Journal of Linguistics*. 3 (21). pp. 493–514. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-9182-2017-21-3-493-514

14. Baranova, V.V. & Fedorova, K.S. (2017) (In)visibility and (non)existence: labor migrants and the St. Petersburg linguistic landscape. *Gorodskie issledovaniya i praktiki – Urban Studies and Practices*. 1–2 (6). pp. 103–121. (In Russian).

15. Bubnova, I.A. (2018) [Megalopolis language landscape and problems of modern Russian society: obvious and hidden connections]. *Yazyk, soznanie, kommunikatsiya* [Language, Consciousness, Communication]. Proceedings of the Polifoniya bol'shogo goroda – 7, 8 [Polyphony of Big City – 7, 8] Conference. Moscow: MAKS Press. pp. 5–13. (In Russian).

16. Kartushina, E.A. (2017) Multilingualism in the linguistic landscape of the urban environment (for example Helsinki). *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta*. 8. pp. 71–75. (In Russian).

17. Ivanova, N.I. (2017) Distribution of languages in the linguistic landscape of Yakutsk: Sociolinguistic aspect. *Severo-Vostochnyy gumanitarnyy vestnik – North-Eastern Journal of the Humanities*. 4 (21). pp. 71–76. (In Russian).

18. Vinokurov, V.V. (2018) Specificity of the Vilnius language landscape in the context of Lithuanian language policy norms (on the example of the old city). *Vestnik razvitiya nauki i obrazovaniya – Bulletin of Science and Education Development*. 2. pp. 52–58. (In Russian).

19. Fedorova, L.L. (2019) Russkiy yazyk v Armenii: yazykovaya situatsiya i yazykovoy landshaft sovremennogo Erevana [The Russian language in Armenia: the linguistic situation and the linguistic landscape of modern Yerevan]. *Slavica Helsingiensia*. 52. pp. 87–99.

20. Kalgina, T.E. & Takhtarova, S.S. (2015) Vliyanie frantsuzskogo yazyka na formirovaniye lingvisticheskogo landshafta stran Magriba [The influence of the French language on the formation of the linguistic landscape of the Maghreb countries]. In: *TERRA LINGVAE*. Kazan: TAI. pp. 198–201.

21. Protasova, E.Yu. (2015) Variability of the Russian linguistic landscape. *Ekologiya yazyka i kommunikativnaya praktika – Ecology of Language and Communicative Practice*. 1 (4). pp. 91–102. (In Russian).

22. Abramova, E.I. (2011) Gael'skiy yazyk v lingvisticheskom landshafte Shotlandii [Gaelic language in the linguistic landscape of Scotland]. *Obshchestvennye nauki – Social Science*. 7. pp. 97–101.

23. Novikova, E.G. (2016) Lingvisticheskiy landshaft sovremennoy Kanady v kontekste regional'no-kul'turnoy politiki [Linguistic landscape of modern Canada in the context of regional and cultural policy]. *EvrAziyskiy vestnik gumanitarnykh issledovaniy*. 1 (4). pp. 29–33.

24. Borodina, D.S. (2018) English in Swedish Linguistic Landscape. *Filologos*. 36 (1). pp. 5–11. (In Russian). DOI: 10.24888/2079-2638-2018-36-1-5-11

25. Lyu, Ts. (2019) Linguistic landscape: research development trends in China. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 22: Teoriya perevoda – Moscow University Translation Studies Bulletin*. 4. pp. 119–129. (In Russian).

26. Shirobokova, N.N. (ed.) (2005) *Puti formirovaniya lingvisticheskogo landshafta Sibiri* [Ways of forming the linguistic landscape of Siberia]. Novosibirsk: UIHPP SB RAS.

27. Bekasova, E.N. (2021) [Linguistic landscape of Orenburg region: prospects of the past]. *Shesty Moiseevskie chteniya* [The Sixth Moiseev's Readings]. Proceedings of the International Conference. Orenburg. 20–22 November 2020. Orenburg: Orenburgskaya kniga. pp. 17–25. (In Russian).
28. Saduov, R.T. (2021) Linguistic landscape as a promising approach to investigate language situation in a region (case study of the Republic of Bashkortostan). *Uspekhi gumanitarnykh nauk – Modern Humanities Success*. 2. pp. 192–195. (In Russian).
29. Gabdrakhmanova, G.F., Makhmutov, Z.A. & Sagdieva, E.A. (2016) [State languages of the Republic of Tatarstan in the linguistic landscape of the region]. *Teoreticheskie problemy etnicheskoy i krosskul'turnoy psikhologii* [Theoretical Problems of Ethnic and Cross-Cultural Psychology]. Proceedings of the 5th International Conference. Smolensk. 27–28 May 2016. Smolensk: Smolensk State University. pp. 76–79. (In Russian).
30. Saduov, R.T. (2021) [Communicative potential of the Russian language in Nur-Sultan through the lens of linguistic and cultural landscape]. *Kul'turologiya, iskusstvovedenie i filologiya: sovremennye vzglyady i nauchnye issledovaniya* [Culturology, Art History and Philology: Modern views and scientific research]. Proceedings of the 55th International Conference. Moscow. 10 December 2021. Moscow: Internauka. pp. 28–31. (In Russian).
31. Islamova, Yu.V. (2015) The linguistic situation of the village Nyalinskoe Khanty-Mansiysk autonomous okrug-UGRA in historical perspective. *Vestnik ugrovedeniya – Bulletin of Ugric Studies*. 4 (23). pp. 46–52. (In Russian).
32. Budaeva, S.Z. (2021) [Territorial aspects of the linguistic situation (on the example of the village of Tsagan-Morin in the Zakamensky district of the Republic of Buryatia)]. *Regional'naya Rossiya: istoriya i sovremennost'* [Regional Russia: History and modernity]. Proceedings of the 4th All-Russian Conference. Komsomolsk-on-Amur. 10 December 2021. Komsomolsk-on-Amur: Amur State University of Humanities and Pedagogy. pp. 39–43. (In Russian).
33. Araeva, L.A. & Kereksibesova, U.V. (2018) Peculiarities of multilanguage communication in Kosh-Agach district of the Republic of Altai. *Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Voprosy obrazovaniya: yazyki i spetsial'nost' – RUDN Journal of Language Education and Translingual Practices*. 2 (15). pp. 269–276. (In Russian). DOI: 10.22363/2312-8011-2018-15-2-269-276
34. Protsukovich, E.A. et al. (2017). Sociolinguistic situation in the Ivanovskoe settlement, Selezdza district, Amur region. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika – Theoretical and Applied Linguistics*. 3 (3). pp. 74–85. (In Russian). DOI: 10.22250/2410-7190_2017_3_3_74_85
35. Ivantsova, E.V. (2021) The rules of a dialect language personality's speech behavior as a component of the Siberian old-resident village languagescape. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filologiya – Tomsk State University Journal of Philology*. 74. pp. 61–80. (In Russian). DOI: 10.17223/19986645/74/4
36. Plotnikova, A.A. (2007) Carpatho-Balkan dialect landscape. Language and culture in contact. *Voprosy yazykoznanija*. 5. pp. 152–154. (In Russian).
37. Blokhinskaya, A.V. (2011) Istoriya slavyanskogo zaseleniya Amurskoy oblasti v svyazi s formirovaniem ee dialektnoy landshafta [History of Slavic settlement of the Amur region in connection with the formation of its dialect landscape]. *Slovo: Fol'klorno-dialektologicheskij al'manakh*. 9. pp. 25–34.
38. Borisova, O.G. & Kostina, L.Yu. (2015) Dialektnyy landshaft Otradnenskogo rayona Krasnodarskogo kraja (po materialam polevoy ekspeditsii) [Dialect landscape of the Otradnensky district of Krasnodar Krai (based on the materials of the field expedition)]. In: Gerd, A.S. (ed.) *Leksicheskiy atlas russkikh narodnykh govorov: Materialy i issledovaniya–2015* [Lexical Atlas of Russian Folk Dialects: Materials and Research–2015]. Saint Petersburg: Institute for Linguistic Studies of RAS. pp. 41–72.
39. Kosharnaya, S.A. (2018) [On the question of the dialect landscape of Belogorye]. *Sovremennye dostizheniya i novye napravleniya filologii* [Modern Achievements and New

Directions of Philology]. Proceedings of the International Conference. Belgorod. 12–13 February 2018. Belgorod: Epitsentr. pp. 97–103. (In Russian).

40. Moskvina, T.N. & Pavlenko, A.N. (2020) Problems of lexicographical description of the Altai German dialects. *Filologicheskie nauki. Voprosy teorii i praktiki – Philology. Theory & Practice*. 4 (13). pp. 68–72. (In Russian). DOI: 10.30853/filnauki.2020.4.14

41. Krasovskaya, N.A. (2020) [Linguistic landscape: possible approaches to the use of the term]. *II Milonovskie kraevedcheskie chteniya* [The Second Milonov Local History Readings]. Proceedings of the Regional Conference. Tula. 18 November 2020. Tula: Tula State Lev Tolstoy Pedagogical University. pp. 36–39. (In Russian).

42. Ivantsova, E.V. (2017) Metody analiza dialektnoy yazykovoy lichnosti [Methods of analysis of dialect linguistic personality]. In: Demeshkina, T.A. et al. *Novye napravleniya v russkoy dialektologii: Massovyy otkrytyy onlayn-kurs* [New Directions in Russian Dialectology: A massive open online course]. Tomsk: Tomsk State University. [Online] Available from: <https://mooc.tsu.ru/ru/?courses=novye-napravleniya-v-russkoydialektologii>. (Accessed: 16.07.2021).

43. Lotkin, I.V. (2009) Estontsy v Sibiri [Estonians in Siberia]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 584–586.

44. Ryndina, O.M. (2016) Ethnic traditions in modern culture: Jani day of Berezovka Estonians. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie – Tomsk State University Journal of Cultural Studies and Art History*. 1 (21). pp. 45–53. (In Russian). DOI: 10.17223/22220836/21/5

45. Yakovlev, Ya.A. (ed.) (2001) *Zemlya pervomayskaya : sb. nauchno-populyarnykh ocherkov* [Pervomaysk Land: Collection of popular science essays]. Tomsk: Tomsk State University.

46. Zhukova, I.N. et al. (2017) *Slovar' terminov mezhkul'turnoy kommunikatsii* [Dictionary of Terms of Intercultural communication]. Moscow: Flinta; Nauka.

47. Pyall', E. (1955) *Uchebnik estonskogo yazyka* [Textbook of the Estonian Language]. Tallin: Estonskoe gos. izd-vo.

48. Palagina, V.V. (ed.) (1984) *Russkie govory Srednego Priob'ya* [Russian dialects of the Middle Ob region]. Pt. 1. Tomsk: Tomsk State University.

49. Moroko, E. et al. (2017) Mezhduberezovkoy i Kasakyuloy [Between Berezovka and Kasakula]. *Russkiy reporter*. 10–11 (427). [Online] Available from: https://expert.ru/russian_reporter/2017/10/mezhduberezovkoj-i-kasakyuloy/. (Accessed: 10.09.2022).

Информация об авторе:

Волошина С.В. – канд. филол. наук, доцент кафедры русского языка Национального исследовательского Томского государственного университета (Томск, Россия). E-mail: vsv1304@yandex.ru

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Information about the author:

S.V. Voloshina, Cand. Sci. (Philology), associate professor, Tomsk State University (Tomsk, Russian Federation). E-mail: vsv1304@yandex.ru

The author declares no conflicts of interests.

*Статья поступила в редакцию 02.09.2022;
одобрена после рецензирования 17.09.2022; принята к публикации 22.09.2022.*

*The article was submitted 02.09.2020;
approved after reviewing 17.09.2022; accepted for publication 22.09.2022.*